

УДК 792(091)
ББК 85.333

ФОЛЬКЛОР КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НИЖНЕВОЛЖСКОГО РЕГИОНА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА: Б.С. ЛАЩИЛИН И А.М. ЛИСТОПАДОВ

Родионова Ольга Игоревна

Кандидат философских наук,
заведующая фольклорным отделом муниципального образовательного учреждения
дополнительного образования детей Детская школа искусств «Воскресение»
glc@yandex.ru
ул. Кирова, 118 а, 400079 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос о феномене фольклора в народном творчестве Нижневолжского региона в первой трети XX века. В ходе исследования особое внимание уделено казачьей тематике. Раскрыта роль Б.С. Лащилина и А.М. Листопада в сборе и издании народного творчества: фольклора донских казаков. Деятельность Бориса Степановича Лащилина, оставила большой след в художественной жизни нашего края.

Ключевые слова: народное творчество, фольклор, фольклористика, фольклорные тексты, духовность, традиции, народная духовная культура, музыкальная культура.

Фольклор любого регионального сообщества исторически создают представители различных слоев населения, сознающие свою идентичность как членов данного общества, представителей социальных слоев, составляющих данный народ. Все они «говорят о себе», однако через преломление в этих позициях и всей окружающей реальности, через ее соответствующую оценку. Все это – выражение бытовых оснований фольклора, который образует внутреннюю духовную «атмосферу» любой социальной группы, общности. На всех этапах бытования фольклора исключительно важная роль принадлежит собирателям и исследователям устного народного творчества.

Целью проведенного исследования являлось изучение особенностей собирания и публикации фольклора в нашем крае в первой трети XX века.

Для раскрытия темы привлекались как архивные, так и опубликованные источники. Используются материалы Саратовской губернской ученой архивной комиссии, ряда фондов

Государственного архива Волгоградской области, данные периодической печати. Также привлекались публикации фольклорных текстов. Используются материалы, собранные волгоградскими исследователями, в том числе и автором данной статьи, в ходе фольклорных и этнографических экспедиций в Михайловском, Новоаннинском и других районах Волгоградской области.

Широко привлекалась литература, посвященная исследованию народной культуры. Назовем философов: М.А. Лившица, М.М. Бахтина, В.С. Библера, В.М. Межуева, М.С. Кагана; социологов В.И. Шендрика, Ю.Н. Давыдова, Л.Г. Ионина; культурологов – это труды, раскрывающие особенности фольклора, духовности, символизма, мифологии, представленные в исследованиях С.С. Аверинцева, М.М. Бахтина, А. Белого, Г.Д. Гачева, Вяч. Иванова, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, Е.М. Мелетинского, С.А. Токарева, В.С. Топорова. Конкретной разработке проблем фольклористики как важнейшей составной части народной духов-

ной культуры посвятили свои исследования такие авторы, как: Э.Е. Алексеев, О.М. Фрейденберг, С. Бейярд, В.Е. Гусев, К.В. Чистов, М.К. Азадовский, А.С. Архипова, И.Х. Брунвальд, С.Ю. Неклюдов, Б.Н. Путилов и др. Здесь рассмотрены природа и свойства фольклора, его «ниша» в народной культуре, функции, структурные компоненты. Наиболее близкой автору оказывается позиция Э.А. Алексеева, который связывает с фольклором неспециализированное художественное творчество, существующее как устно передаваемая традиция и представляющее собой коллективное сознание, ориентированное на непосредственное неформальное общение.

Большую роль для изучения феномена региональной культуры и исследования в ней народного компонента имеют работы сталинградских и волгоградских краеведов: М.А. Водолагина, С.П. Лопушанской, С.Л. Мухиной, Г.Н. Андриановой, А.В. Материкина, В.И. Томарева, А.А. Луночкина, И.О. Тюменцева, Е.В. Комиссаровой, А.Л. Клейтмана и ряд других публикаций, в том числе учебных программ по фольклористике, которые принадлежат автору данной статьи.

Для раскрытия темы важны теоретические труды, посвященные закономерностям формирования фольклорных текстов. Ниже будет показано, как различные школы в науке влияли на деятельность местных фольклористов.

В середине XIX в. выдающийся немецкий ученый Теодор Бенфей высказал идею о культурных заимствованиях в фольклоре, которая сменила представление о восхождении сходных сюжетов к единым источникам. Его теория стала главенствующей в фольклористике фактически до конца XX века. В России миграцию сюжетов изучали Ф.И. Буслаев, В.Ф. Миллер, А.Н. Веселовский и многие другие. В этот период были сильны также позиции «исторической школы». Сутью данного направления был поиск исторических основ фольклорных произведений, попытка поиска исторических событий, ставших толчком к созданию того или иного сюжета.

Во второй половине XIX в. формируется «русская школа» фольклористики, для которой народное искусство представляло интерес не только как памятник старины, но и как явление

современной жизни, занимающее важное место в пространстве социальных коммуникаций. Важное достижение этого направления заключалось в систематическом собирании данных об условиях и обстановке бытования фольклора, его исполнения и восприятия, о процессах обучения, о связях фольклорной культуры с бытом, трудом и отдыхом, обрядами и традициями. Наблюдения представителей «русской школы», к которым относятся и многие исследователи нашего региона (П.А. Барашевский, А.В. Логинов, Я.Д. Вдовин, А.А. Зимнюков, С.А. Щеглов, С.И. Рябов, В.С. Колесниченко, И.Г. Долгачев, М.А. Водолагин, М.Д. Полубояринова, В.В. Когитин, М.А. Рыблова и др.), по-новому представили себе место фольклора в текущей народной жизни и раскрыли многие особенности его содержания и живого функционирования.

Приверженцы «русской школы» выискивали наиболее выдающихся сказителей, издавали произведения фольклора, группируя их по отдельным исполнителям, семьям, населенным пунктам. Подлинным открытием явился новый взгляд на носителей фольклорной традиции не только как на передатчиков наследия, но и творцов нового. В архивных материалах Саратовской ученой архивной комиссии сохранились многочисленные записи фольклорных текстов, которые еще ждут своих исследователей.

С начала XX в. возникает и развивается структурная фольклористика как синтез традиционных фольклористических подходов и методологии ряда смежных дисциплин – истории, культурной антропологии, семиотики, информатики. В ее основе находятся представления о знаковой природе текста и его элементов. Это значительно расширяет само поле фольклорных исследований. Наряду с архаическими, сельскими традициями в орбиту изучения включается городской фольклор со своим культурно-семиотическим пространством (улица, рынок, завод, школа, больница, домашний быт и др.), обычаями и церемониями, текстами, субкультурными группами (социальные, половозрастные, профессиональные).

В советское время интерес к этой проблематике усиливается. А.С. Архипова и С.Ю. Неклюдов отмечают, что «Социальные катастрофы начала XX в. – война, революция,

голод, бегство от коллективизации, миграции с периферии в центр и обратно, – а также отмена большевиками черты оседлости после 1917 г. привели к стихийному “перемещению масс”, которое ускорило обмен информацией между теми социальными слоями, которые в дореволюционной жизни были значительно отделены друг от друга, и, соответственно, создало условия для быстрой интерференции фольклорных текстов, принадлежащих изначально замкнутым социальным группам. ... Вполне традиционные фольклорные тексты стали получать не имевшуюся ранее референцию к актуальной политической истории» [1, с. 84–103].

Смену парадигм исследования фольклора можно проследить на примере деятельности исследователей фольклора в Нижнем Поволжье, где исследование народного эпоса имеет давнюю традицию и связано с именами Д.Л. Мордовцева и Н.И. Костомарова (см. об этом: [3; 4; 8]).

В 1886 г. в Саратове, шестом городе России после Твери, Рязани, Тамбова, Орла и Костромы, энтузиастами-краеведами под патронатом губернатора А.А. Зубова была открыта ученая архивная комиссия. Историограф комиссии Соколов позже писал: «12 декабря 1886 г. губернатор пригласил к себе чиновников, которые должны были войти в состав комиссии, и объявил об ее создании, сказав, что “история общерусская и при том история не государства только, но и народа, возможна лишь в том случае, когда предварительно будет создана и закончена история местная, областная» [31, Ф. 407. Оп. 2. Д. 936].

В начале XX в. в Царицыне работало около двадцати членов Саратовской ученой архивной комиссии. Среди них предприниматели (А.А. Репников, А.И. Конблех, И.Я. Пятаков), земский деятель М.В. Готовицкий, чиновники (Н.Я. Богодаров, С.А. Щеглов, Н.Д. Михайлов и др.). Особое место в этой группе занимала интеллигенция (преподаватели истории и географии Н.А. Соловьев, К.Я. Виноградов, Е.К. Высоковская, преподаватель естествознания Царицынского реального училища П.П. Курлин, земский врач К.Г. Туровский и др.) [4, с. 9–12].

Отдельно следует сказать о Богдане Викторовиче Зайковском, создателе и много-

летнем хранителе музея Саратовской ученой архивной комиссии, неутомимом археологе, силами которого было организовано несколько экспедиций на территории Саратовской губернии. Зайковский сыграл и выдающуюся роль в организации Царицынского музея истории местного края в 1915 году. В музее хранились и материалы фольклорных экспедиций в Саратовской губернии. [9, с. 4–7].

В 1910-х гг. начинаются многолетние этнографические экспедиции в немецких колониях Нижневолжского региона Г. Дингеса, имя которого, к сожалению, пока мало известно волгоградским краеведам. Георгий Генрихович Дингес родился в 1891 году в селе Блюменфельд Новоузенского уезда Самарской губернии (ныне с. Цветочное Старополтавского района Волгоградской области) в семье зажиточного крестьянина-колониста [7; 15]. С юности Георгий увлекся историей и культурой немецких колоний юга России. По окончании в 1917 г. историко-филологического факультета Московского университета защитил диссертацию на тему: «О русском влиянии на диалекты немецких колонистов Самарской и Саратовской губерний». Дальнейшая его научная и общественная деятельность протекала снова в Нижневолжском регионе.

Первая мировая война, революция, Гражданская война надолго прервали процесс освоения местной истории.

В 1920-е гг. началось возрождение краеведческих исследований. За десятилетие 1917–1927 гг. число краеведческих организаций в стране увеличилось в десять раз. Этот процесс коснулся и Нижнего Поволжья. Продолжают активно работать и бывшие члены Саратовской ученой архивной комиссии, которые активно включились в создание архивов, библиотек, музеев, обобщение накопленного опыта местных исторических изысканий. Создаются новые организации. Выходит немало изданий, не потерявших своего значения и сегодня.

Г.Г. Дингес в это время возглавлял кафедру в Саратовском университете, по-прежнему проводил свои историко-лингвистические экспедиции. Георгий Генрихович организовал Центральный музей Автономной Республики Немцев Поволжья и Немецкий педагогический институт в Покровске. Транспор-

тное сообщение тогда (1920-е гг.) почти не было налажено, и Дингес ходил в экспедиции, как правило, пешком. Через некоторое время в диалектах местных немцев распространилось выражение «**ankommen wie Professor Dinges**» – «прибыть, как профессор Дингес», что собственно, и означало «пешком». Редкий, может быть, единственным случай, когда имя исследователя народного языка оказалось увековеченным в языке. Летом 1924 г. по направлению Наркомпроса РСФСР Дингес находился в трехмесячной командировке в Германии, принял участие в работе Филологического съезда в Берлине, выступал с лекциями и докладами, участвовал в работе над Немецким лингвистическим атласом в Марбурге.

К сожалению, плодотворные исследования в конце 1920 – начале 1930 гг. были свернуты. Положение резко меняется в конце 1920-х годов. «Разгром краеведения, – пишет С.О. Шмидт, – был порожден обстоятельствами, характерными для “года великого перелома”, времени наступления на социально-культурные (и особенно религиозные) традиции народа» [26, с. 497]. Были репрессированы многие историки и краеведы, начавшие свою деятельность в конце XIX – начале XX века.

Коснулось это и Нижневолжского региона. Так, через месяц после открытия педагогического института был арестован Г.Г. Дингес. За «антисоветскую националистическую деятельность и антисоветскую агитацию» выдающийся ученый был приговорен к 3 годам ссылки и сослан в Томскую область. Там, работая в приемном покое больницы поселка Колпашево, Г. Г. Дингес заразился сыпным тифом и умер летом 1932 года.

В начале 1930-х гг. стала более жестко контролироваться деятельность краеведческих обществ, значительно было урезано финансирование многих из них. Исследователи были вынуждены заниматься изучением только тех тем, которые одобрялись Центральным бюро краеведения. В 1930 г. было закрыто Нижне-Волжское научное общество краеведения. На многие годы исследование многих аспектов истории местного края было почти прекращено [13, с. 7].

Вместе с тем, надо отметить, что некоторые мероприятия партийного руководства

страны, предпринятые в 1930-х гг., способствовали оживлению исследований в области народной культуры. Мы имеем в виду прежде всего Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Этот партийно-правительственный документ начинает отсчет нового этапа в развитии исторической науки в СССР, так как он вызвал реформы в школьном и вузовском историческом образовании, организационном строении самой исторической науки, изменении ее проблемно-тематической структуры и понимания самого предмета отечественной истории.

В середине 1930-х гг. происходит переход от изучения современных форм бытования фольклора к исследованию его в историческом ракурсе.

К этому времени относится деятельность Бориса Степановича Лащилина, оставившего большой след в художественной жизни нашего края.

В начале 30-х гг. Б.С. Лащилин работал корреспондентом газеты «Известия», а во второй половине 30-х гг. – корреспондентом ТАСС по Сталинградской области, что давало возможность заниматься сбором фольклора [22, с. 56].

Борис Степанович Лащилин родился 21 сентября 1906 г. в семье казака Степана Митрофановича Лащилина, который не раз избирался атаманом станицы Михайловской области Войска донского, расположенного на Хопре. За образцовое ведение станичного хозяйства царь наградил его серебряным кубком, когда атаман в составе казачьей депутации был у него на приеме. Борис Степанович Лащилин с 1920-х гг. занимался журналистикой, был корреспондентом «Известий», а во второй половине 30-х гг., будучи корреспондентом ТАСС по Сталинградской области встречался с М.А. Шолоховым (1938 г.). «К этому моменту он собрал уже достаточно большой и интересный краеведческий, исторический и фольклорный материал. Через год Лащилин издал свою первую небольшую книгу историко-краеведческого характера “Станица Михайловская на Хопре”, а вскоре – выпустил два сборника казачьих песен и частушек» [21].

«Писатель А.Н. Толстой в своем письме к Б.С. Лащилину весьма положительно

высказался о его творчестве, и просил его разрешения использовать материалы для публикации, приглашая его тем самым к сотрудничеству, однако не удалось это осуществить, так как помешала война» [21].

В 1947 г. на подведении итогов Всесоюзного конкурса фольклористов Б.С. Лащилин получил первую премию. Журнал «Советская этнография» при этом отмечал: «Некоторые сказки [Лащилина]... по художественным достоинствам сюжетов и образов могут быть поставлены в ряд лучших произведений мирового фольклора». Не случайно в 1950 г. по просьбе Московской консерватории Академия Наук на практику по фольклору направила к Лащилину студентку Александру Пахмутову. Она приняла деятельное участие в работе Донской фольклорной экспедиции [21].

Книги, изданные Б.С. Лащилиным в Ростове-на-Дону, Саратове, Сталинграде – Волгограде еще при жизни, были небольшие по объему. В них печатались сказки, былины, легенды, песни, частушки, пословицы, поговорки, старинные драмы первых народных русских театров, заговоры. Также печатались книги по истории Прихоперья, его флоре и фауне. Для Воронежского народного хора, ансамбля «Воронежские девочки» Борис Степанович постоянно подбирал песни и частушки, которые до настоящего времени поются и хором имени М. Пятницкого.

Более 50 лет жизни посвятил исследованию музыкальной культуры донского казачества фольклорист-музыкант А.М. Листопадов (1873–1949 гг.), который с юношеских лет занимался сбором и изучением народных песен, которые записывал в донских хуторах и станицах [25, с.7–39].

А.М. Листопадов сумел записать несколько сотен казачьих песен. О первых итогах своей собирательской работы он сделал доклад на заседании музыкально-этнографической комиссии в Москве. Песни донских казаков были высоко оценены многими видными деятелями русской музыкальной культуры.

Потребовалось вооружить себя дополнительными и более обширными знаниями, и он поступил в 1903 г. в Московскую консерваторию, где его учителями были С.И. Танеев, А.Д. Кастальский и другие композиторы, а в

следующем году поступил на филологический факультет Московского университета. В годы учебы он не оставлял любимого дела: часто выезжал на Дон, чтобы записать новые песни, обряды, сказки.

В 1902–1904 гг. А.М. Листопадов «...организовал и возглавил первую научную экспедицию по сбору и изучению песен донского казачества. Вскоре в печати стали появляться статьи А.М. Листопадова. Опубликованный им в 1905 г. первый очерк “Донская казачья песня” отличался тем, что А.М. Листопадов стремился, как писал он, “полностью сохранить народный говор, не исключая фонетических особенностей”. За сборник песен донских казаков, изданных в записях в 1911 г., в который вошло 107 песен разных жанров, А.М. Листопадов был награжден золотой медалью и премией. В 1930–1940 гг. продолжал сбор фольклора народов, населяющих Дон и Поволжье» [27].

В этот период А.М. Листопадов руководил хором донских казаков. Им были собрано и написано около 1800 напевов, народных песен, большую часть которых составили донские казачьи песни. В 1936 г. Сталинградским книжным издательством был выпущен сборник под редакцией А.В. Швера «Песни донских казаков», составителем, которого был И. Кравченко. В следующем году в Москве вышел сборник, составленный С. Богуславским и Н. Шиловым «Песни донских и кубанских казаков», в котором были представлены лиричные и шуточные песни и частушки разножанрового характера эпические, исторические, военно-бытовые, свадебные. В этом же году вышло второе пятитомное издание «Песни донских казаков», в который вошел и детский фольклор. Наследие Александра Михайловича Листопадова явилось крупным вкладом в отечественную музыкальную фольклористику [16].

К каким же выводам пришли исследователи нашего региона? Произведения фольклора являются одним из уникальных источников сведений об истории, быте, нравственных и других представлениях народа, что позволяет воссоздать языковую личность определенной исторической эпохи. Устное народное творчество характеризуется наличием непосредственного контакта между тем, кто воспроизводит текст и тем, кто этот текст воспринимает

ет. Сама устная форма бытования делала время повествования в фольклоре переменчивым, превращала его в подвижную категорию, и понятие «сегодня» (момент повествования) не имело сколько-нибудь конкретного хронологического смысла, следовательно, не нуждалось в согласовании временем действия [10; 11; 20].

Казачья культура на протяжении многих веков вобрала в себя традиции присущие исключительно донской казачьей песне. В диссертации «Донская казачья песня в историческом развитии» доктор искусствоведения Татьяна Семеновна Рудиченко выделила роль протяжной песни как сформировавшей стилевое ядро жанровой доминанты, которая прослеживается в слое многоголосных песенных распево. Отличительной особенностью казачьей песенной традиции, как отмечает Т.С. Рудиченко, «...является многоголосие с противопоставлением нижнему голосу верхнего подголоска, то есть большая распетость музыкального материала. При таком исполнении характерна отрывисто-эмоциональная, активная форма вокализации. По этим признакам традиция донских казаков сближается с региональными очагами юга России. В то же время пению донских казаков присущи некоторые ярко самобытные черты. В традиционной песенной культуре донских казаков можно, с одной стороны, найти много схожего в бытовании музыкального фольклора с традициями южнорусских областей России и, отчасти, украинской культурой, а с другой стороны, выделить такие черты, которые присущи исключительно только донской казачьей песне. Именно для пения донских казаков характерны некоторые ярко самобытные черты. Большинство в репертуаре песенного фольклора составляют песни воинского содержания, как исторические, повествующие о реальном лице или событии, так и песни, посвященные описанию быта казака на военной службе. Песни в большинстве своем протяжные поются мужчинами-казаками, отражают переживания, мысли, воспоминания, мечты, надежды казака. Существует репертуар, бытующий, в основном, в женской среде («бабьи песни»), которые мужчинами-казаками исполняются редко. И в настоящее время бытуют в казачьей среде хороводные песни, которые гово-

рят об относительной сохранности этого пласта фольклора.

Протяжная песня в песенной традиции донских казаков является центральным жанром, наиболее ярко воплотившим особенности стиля, форм бытования музыкально-песенного фольклора Дона. При этом для протяжных песен характерно, прежде всего, лирическое содержание при отсутствии лирического сюжета. Ведущее значение в таких текстах получают детализация поэтических образов, передача реальной действительности через призму личных переживаний, чувств, отражение нравственно-этических, общественных и семейных норм» [20].

***

История народной культуры – это особая логика ее взаимоотношения с развитием общества. В этом процессе народная культура не может оставаться неизменной в своих мировоззренческих и жанровых проявлениях, в устной традиции, в манере изложения. Меняется механизм функционирования народной культуры и формы ее адаптации к меняющемуся миру, однако она по-прежнему остается востребованной социумом. *Б.Н. Путилов подчеркивает, что среди функций фольклора большое место занимают функции социальной памяти, интеграции, инклюзивности. «В самом общем плане вербальный фольклор мы вправе рассматривать как средоточие памяти – в общезначимом ли, групповом или семейном масштабе, получившее организованные формы. В нем концентрируется значительная часть опыта, накопленного традицией, и материализуется в известных пределах сама традиция. Важно при этом, что фольклорная память – не пассивный банк, «про запас», но активно действующая система, активный арсенал, непосредственно включенный в функционирующую реальность» [17, с. 67–68]. Это хорошо видно на примере бытия народной культуры в последние десятилетия. Автор, являясь руководителем фольклорной школы-студии школы искусств г. Волгограда исследует и внедряет оригинальную авторскую систему подхода к изучению народной культуры региона, изуча-*

ет педагогические закономерности самореализации и развития школьника средствами народного творчества [18; 19; 20].

Сравнительная характеристика «русской школы» фольклористики в 1920-е и 1930-е гг. позволяет говорить об изменениях, которые произошли в культурной жизни Нижневолжского региона в течение десятилетия. Отметим, в частности, усиление идеологического диктата, отход от эстетического плюрализма, свойственного предшествующему периоду, изменения в тематике художественного творчества, сужение проблематики фольклорных и краеведческих изысканий, массовые репрессии против деятелей культуры. При рассмотрении круга вопросов, связанных с развитием народного творчества и художественной самодеятельности, приобщением к мировой и отечественной культуре широких кругов горожан использовались методы социологии повседневности. Привлечение, а также дальнейшее углубление собственных методов, выработанных в процессе многолетнего изучения региональной истории, исследовании народного творчества и культурных коммуникаций. При изучении народного творчества особое внимание уделялось казачьей тематике. Раскрыта роль Б.С. Лащилина и А.М. Листопадова в сборе и издании фольклора донских казаков. Собран материал к биографиям участников культурного процесса в Сталинграде в 1930-е гг. (в частности, писателя и историка Донского казачества Б.С. Лащилина). Проведенное исследование показало, что многие черты советской культуры 1930-х гг., в частности, идеологический диктат и администрирование, а во второй половине 1930-х гг. и массовые репрессии против деятелей культуры, в полной мере проявились и в протекании культурных процессов в Нижневолжском регионе. Вместе с тем, осмысление собранного в процессе работы над статьей материала позволяет говорить о некоторых специфических чертах культурной жизни Сталинграда. Так, превращение Сталинграда в крупнейший промышленный центр СССР предполагало более интенсивное протекание некоторых культурных процессов, в частности, больше внимания уделяется проведению фестивалей народных искусств. При исследовании темы обнаруже-

ны многие незаслуженно забытые публикации документов и научно-популярные издания, увидевшие свет в Нижневолжском регионе в 1930-х годах (сборник «Песни донских и кубанских казаков», составленный С. Богуславским и Н. Шиловым, исследование «Песни донского казачества»). Фольклор Сталинградской области», книга Б.С. Лащилина «Станица Михайловская на Хопре», посвященная донскому казачеству. Пересмотр отношения к историческому прошлому также повлиял на культурный процесс в нашем крае. Как известно, в 1930-е гг. в официальной историографии происходит изменение отношения к истории русского казачества. Появляется возможность публикаций на эту тему, собирания и изучения казачьего фольклора. Именно с этого времени наш город становится одним из центров изучения истории и культуры донского казачества.

Если сравнить культурного пространства города в 1920-е и 1930-е гг. можно сделать следующие выводы:

1. Идеологический диктат характерен как для 1920-х, так и 1930-х годов. За два десятилетия принято множество партийных и советских документов, регулирующих развитие культуры, уже в начале 1920-х гг. создается Главрепертком и его местные отделения оформляются на центральном и местном уровне учреждения цензуры. На протяжении 1930-х гг. эти тенденции нарастают.

2. Вместе с тем для 1920-х гг. характерен определенный эстетический плюрализм, что проявилось и в народном творчестве.

3. Происходят изменения в краеведческой деятельности. Если 1920-е гг. явились «золотым десятилетием» краеведения в нашем регионе, то уже самое начало 1930-х гг. отмечено гонениями на краеведов, закрытием большинства организаций по изучению местного края, сужением проблематики до исследования социально-экономических вопросов и истории революционного движения, жестким регламентированием деятельности.

4. Если 1920-е гг. отмечены расцветом культурной жизни национальных общин Нижневолжского региона, то в 30-х гг. интерес к национальному прошлому многих народов, населявших наш край, рассматривается как проявление буржуазного национализма.

5. Наконец, репрессии против деятелей культуры, начавшиеся в самом конце 20-х гг. и временно прекращенные в первой половине 30-х гг., в предвоенные годы носят массовый характер.

6. Сравнение ситуации в Нижневолжском регионе с общей картиной народно-художественной жизни в СССР в 30-е гг. позволило выделить некоторые общие закономерности и индивидуальные черты. К общему следует отнести демократизацию культуры и образования, возникновение и распространение новых видов искусства, основанных на использовании технических средств (радио, кино), благодаря которым достижения культуры стали доступны самым широким слоям населения, формирование массовой культуры.

7. Проведенное исследование показало, что многие черты советской культуры 1930-х гг., в частности, идеологический диктат и администрирование, а во второй половине 1930-х гг. и массовые репрессии против деятелей культуры в полной мере проявились и в протекании культурных процессов в Нижневолжском регионе.

8. Осмысление собранного в процессе работы над статьей материала позволяет говорить о некоторых специфических чертах культурной жизни Нижневолжского региона. Пересмотр отношения к историческому прошлому, который происходит в официальном идеологическом курсе в середине 1930-х гг., в частности, к истории казачества, имел для Нижневолжского региона свои позитивные последствия. Появляется возможность публикаций исторических памятников, собирания и изучения казачьего фольклора, использования его в профессиональном и самодеятельном народном творчестве. Именно с этого времени Нижневолжский регион становится одним из центров изучения истории и культуры Донского казачества.

При исследовании данной проблематики были использованы архивные материалы (Государственный архив Волгоградской области, Областной центр документации Новейшей истории, музейные собрания), периодической печати (газеты «Поволжская правда», «Сталинградская правда» и др.), источников личного происхождения. Используются также многочисленные научные публикации по истории Нижневолжского региона в предвоенный период.

Отмечены события, касающиеся народного творчества. Особо отмечен вклад конкретных людей в культурное развитие Нижневолжского региона.

Народная культура, фольклор продолжают оставаться частью сферы социокультурных коммуникаций. Очень важно, чтобы не были забыты имена тех, кто стоял у истоков изучения фольклорных традиций в нашем крае.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрианова, Г. Н. Меценаты и деятели искусства дореволюционного Царицына / Г. Н. Андрианова // Чтения в Волгоградском областном обществе краеведов. – 2007. – С. 45–46.
2. Архипова, А. С. Фольклор и власть в закрытом обществе / А. С. Архипова, С. Ю. Неклюдов // Новое литературное обозрение. – 2010. – № 101. – С. 84–103.
3. Государственный архив Волгоградской области.
4. Государственный архив Саратовской области.
5. Данилов, В. Н. «Золотое десятилетие» Саратовского исторического краеведения (1920-е годы) / В. Н. Данилов // Поволжский край. – 2000. – Вып. 11. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://tudocs.exdat.com/docs/index-197804.html>. – Загл. с экрана.
6. Зайковский, Б. В. Краеведческая работа по уездам Саратовской губернии / Б. В. Зайковский // Нижнее Поволжье. – 1928. – № 3. – С. 9–12.
7. Захаров, В. М. Саратовская ученая архивная комиссия (1886–1920) / В. М. Захаров, Т. А. Захарова. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. – 184 с.
8. Зуева, Т. В. Русский фольклор : учебник для вузов / Т. В. Зуева, Б. П. Кирдан. – М. : Флинта : Наука, 2002. – 400 с.
9. Ерина, Е. М. Очерки истории культуры Немецкой автономии на Волге / Е. М. Ерина. – Саратов, 1995. – С. 21–40.
10. КАЗАКИЯ. ИНФО. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://forum.kazakia.info/viewtopic.php?f=25&t=1621>. – Загл. с экрана.
11. Клейтман, А. Л. Деятельность Саратовского статистического комитета по изучению истории Царицына. Вклад Д.Л. Мордовцева в развитие царицынского краеведения / А. Л. Клейтман // Стрежень : науч. ежегодник. – 2008. – Вып. 6. – С. 298.
12. Комиссарова, Е. В. Из истории Волгоградского областного краеведческого музея. (1914–1954) / Е. В. Комиссарова // Вопросы краеведения. – 1994. – Вып. 3. – С. 4–7.

13. Лопушанская, С. П. Особенности словообразования в казачьих исторических песнях / С. П. Лопушанская // Вопросы краеведения. Материалы 6 и 7 краеведческих чтений. – 2007. – Вып. 45. – С. 246–248.

14. Материкин, А. В. Волгоградское краеведение: состояние и перспективы развития / А. В. Материкин // Вопросы краеведения. – 1993. – Вып. 2. – С. 11–20.

15. Медриш, Д. Н. Литература и фольклорная традиция / Д. Н. Медриш. – Саратов : Изд-во СГУ, 1980. – 175 с.

16. Монилов, С. «Дело» сталинградских краеведов / С. Монилов // Вопросы краеведения. – 1999. – Вып. 6. – С. 7.

17. Мягкая, В. С. Сарепта в прозе и стихах / В. С. Мягкая // Чтения в Волгоградском областном обществе краеведов. – 2007. – С. 45.

18. Тотфалушин, В. П. Эюд из истории участия Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года / В. П. Тотфалушин // Сообщения Энгельского краеведческого музея : материалы науч. конф. – Саратов : Изд-во СГУ, 1997. – Вып. 5 : Немцы в Саратовском Поволжье. – С. 22–25.

19. Песни донского казачества. Фольклор Сталинградской области. – Сталинград : Сталинград. кн. изд-во, 1937. – С. 67–68.

20. Путилов, Б. Н. Фольклор и народная культура / Б. Н. Путилов. – СПб. : Петербург. востоковедение, 2003. – 464 с.

21. Родионова, О. И. Народная культура в пространстве социальных коммуникаций: исторические тенденции и современность / О. И. Родионова, Вестник ВолГУ. Сер. 9, История, философия, филология и юридические науки. – 2005. – Вып. 4. – Ч. 1. – С. 104–108.

22. Родионова, О. И. Социальные функции народной культуры / О. И. Родионова // Материалы российской научно-практической конференции «Социальное развитие детей и подростков в учреждениях интернатного типа в контексте национального подхода. – Волгоград : Социокультура, 2004. – С. 98–82.

23. Рудиченко, Т. С. Донская казачья песня в историческом развитии : дисс. ... д-ра искусствоведения : 17.00.02 / Т. С. Рудиченко. – Ростов н/Д, 2005. – 354 с. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/muz-iskusstvo/donskaja-kazachja-pesnja-v-istoricheskom-gazvitii.htm>. – Загл. с экрана.

24. Тихомирова, О. Собиранье фольклора / О. Тихомирова // Подъем. – 2005. – № 9. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.volgastars.ru/laschilin/laschilin.html>. – Загл. с экрана.

25. Томарев, В. И. Историческое краеведение в Волгоградской области (итоги и перспективы раз-

вития) / В. И. Томарев, И. О. Тюменцев // Стрежень : науч. ежегодник. – 2000. – Вып. 1. – С. 56–57.

26. Свиридова, И. К. Работа А. М. Листопадова над донским фольклором / И. К. Свиридова // Из истории русской и советской музыки. – Вып. 2. – М. : Музыка, 1976. – С. 7–39.

27. Соколов, В. П. 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии (1886–1911) / В. П. Соколов. – Саратов, 1911. – 309 с.

28. Чистов, К. В. Народные традиции и фольклор / К. В. Чистов. – Л. : Наука, 1986. – 119 с.

29. Шмидт, С. О. Путь историка : Избранные труды по источниковедению и историографии / С. О. Шмидт. – М. : РГГУ, 1997. – С. 496–505.

30. Фонд Помощника начальника Саратовского губернского жандармского управления по Царицынскому уезду. (см.: ГАВО. Ф. И-6, оп. 1); Фонд Губернского отдела народного образования (Ф. 82. Оп. 1).

31. Фонд Саратовской губернской ученой архивной комиссии. – Ф. 407. – Оп. 1, 2.

REFERENCES

1. Andrianova G.N. Metsenaty i deiateli iskusstva dorevoliutsionnogo Tsaritsyna [Maecenas and art workers of prerevolutionary Tsaritsyn]. *Chteniiia v Volgogradskom oblastnom obshchestve kraevedov* [Readings in Volgograd regional ethnographers' society], 2007, pp. 45-46.

2. Arkhipova A.S., Nekliudov S.Iu. Fol'klor i vlast' v zakrytom obshchestve [Folklore and power in a closed society]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literature review], 2010, no. 101, pp. 84-103.

3. *Gosudarstvennyi arkhiv Volgogradskoi oblasti* [State Archives of Volgograd Oblast].

4. *Gosudarstvennyi arkhiv Saratovskoi oblasti* [State Archives of Saratov Oblast].

5. Danilov V.N. «Zolotoe desiatiletie» Saratovskogo istoricheskogo kraevedeniia (1920-e gody) [“Golden decade” of Saratov historical regional studies (the 1920s)]. *Povolzhskii kraj* [Volga region], 2000, iss.11. Available at: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-197804.html>.

6. Zaikovskii B.V. Kraevedcheskaia rabota po uezdam Saratovskoi gubernii [Ethnographic work in the districts of Saratov province]. *Nizhnee Povolzh'e* [Lower Volga region], 1928, no. 3, pp. 9-12.

7. Zakharov V.M., Zakharova T. A. *Saratovskaia uchenaia arkhivnaia komissiiia (1886–1920)* [Saratov academic archival committee (1886–1920)]. Volgograd, Volgograd State University Publ., 2005, 184 p.

8. Zueva T.V., Kirdan B.P. *Russkii fol'klor: uchebnik dlia vuzov* [Russian folklore: Manual for colleges and universities]. Moscow, Flinta Publ, Nauka Publ, 2002. 400 p.

9. Erina E.M. *Ocherki istorii kul'tury Nemetskoj avtonomii na Volge* [Sketches from cultural history of German autonomy on the Volga]. Saratov, 1995, pp. 21-40.
10. KAZAKIIa. INFO. Available at: <http://forum.kazakia.info/viewtopic.php?f=25&t=1621>.
11. Kleitman A.L. Deiatel'nost' Saratovskogo statisticheskogo komiteta po izucheniiu istorii Tsaritsyna. Vklad D.L. Mordovtseva v razvitie tsaritsynskogo kraevedeniia [Saratov statistical Committee's activity in the study of Tsaritsyn history. D.L. Mordovtsev's contribution to the development of Tsaritsyn regional studies]. *Strezhen': nauch. ezhegodnik* [Midstream: scientific annual], 2008, iss. 6, p. 298.
12. Komissarova E.V. Iz istorii Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia [From the history of Volgograd regional museum of ethnography. (1914-1954)]. *Voprosy kraevedeniia* [Issues of regional studies]. 1994, iss. 3, pp. 4-7.
13. Lopushanskaia S.P. Osobennosti slovo-obrazovaniia v kazach'ikh istoricheskikh pesniakh [Features of word-formation in Cossack historical songs]. *Voprosy kraevedeniia. Materialy 6 i 7 kraevedcheskikh chtenii* [Issues of regional studies. Materials of the 6th and the 7th ethnographic readings], 2007, iss.45, pp. 246-248.
14. Materikin A.V. Volgogradskoe kraevedenie: sostoianie i perspektivy razvitiia [Vogograd regional studies: state and prospects of development]. *Voprosy kraevedeniia* [Issues of regional studies], 1993, iss. 2, pp. 11-20.
15. Medrish D.N. *Literatura i fol'klornaia traditsiia* [Literature and folklore tradition]. Saratov, Saratovskii Universitet Publ., 1980. 175 p.
16. Monikov S. "Delo" stalingradskikh kraevedov ["The case" of Stalingrad ethnographers]. *Voprosy krevedeniia* [Issues of regional studies], 1999, iss. 6, p. 7.
17. Miagkaia V.S. Sarepta v proze i stikhakh [Sarepta in prose and in verse]. *Chteniia v Volgogradskom oblastnom obshchestve kraevedov* [Readings in Volgograd regional ethnographers' society], 2007, p. 45.
18. Totfalushin V. P. Etiud iz istorii uchastiia Saratovskoi gubernii v Otechestvennoi voine 1812 goda [The etude from history of participation of the Saratov province in Patriotic War of 1812]. *Soobshcheniia Engel'skogo kraevedcheskogo muzeia* [Messages of the Engels Museum of Area Study]. Iss. 5. Nemtsy v Saratovskom Povolzh'e. Materialy nauch. konf. Saratov, SGU Publ., 1997, pp. 22-25.
19. *Pesni donskogo kazachestva. Fol'klor Stalingradskoi oblasti* [The songs of Don Cossacks. The Folklore of Stalingrad region]. Stalingrad, Stalingradskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1937, pp. 67-68.
20. Putilov B.N. *Fol'klor i narodnaia kul'tura* [Folklore and folk culture]. St.-Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2003. 464 p.
21. Rodionova O.I. Narodnaia kul'tura v prostranstve sotsial'nykh kommunikatsii: istoricheskie tendentsii i sovremennost' [Folk culture in the room of social communication: historical tendencies and modernity]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo Universiteta. Seria 9, Chast 1 "Istoria, filosofia, filologia i iuridicheskie nauki"*, 2005 vol. 4, pp. 104-108.
22. Rodionova O.I. Sotsial'nye funktsii narodnoi kul'tury [Social functions of folk culture]. *Materialy rossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Sotsial'noe razvitie detei i podrostkov v uchrezhdeniiakh internatnogo tipa v kontekste natsional'nogo podkhoda"* [Materials of the Russian scientific and practical conference "Social development of children and teenagers in establishments of boarding school type in a context of national approach"]. Volgograd, Sotsiokultura Publ., 2004, pp. 98-82.
23. Rudichenko T.S. Donskaia kazach'ia pesnia v istoricheskom razvitiu [Don Cossack songs in its historical development]. dissertatsia doktora iskusstvovedeniia, 17.00.02. Rostov-on-Don, 2005. 354 p. Available at: <http://www.dslib.net/muz-iskusstvo/donskaja-kazachja-pesnja-v-istoricheskom-razvitiu.htm>.
24. Tikhomirova O. *Sobiratel' fol'klora* [Folklore collector]. Pod'em Publ., 2005, no. 9. Available at: <http://www.volgastars.ru/laschilin/laschilin.html>.
25. Tomarev V.I., Tiumentsev I.O. Istoricheskoe kraevedenie v Volgogradskoi oblasti (itogi i perspektivy razvitiia) [Historical ethnography in Volgograd region (results and prospects of development)]. *Strezhen': nauch. ezhegodnik* [Midstream, scientific annual], 2000, iss. 1, pp. 56-57.
26. Sviridova I.K. Rabota A.M. Listopadova nad donskim fol'klorom [A.M. Listopadov's work on Don folklore]. *Iz istorii russkoi i sovetskoi muzyki* [From the history of Russian and Soviet music]. Moscow, Muzika Publ., 1976, iss. 2, pp. 7-39.
27. Sokolov V.P. *25-letie 25-letie Saratovskoi uchenoj arkhivnoi komissii* [25 anniversary of the Saratov scientific archival commission (1886-1911)]. Saratov, 1911. 309 p.
28. Chistov K.V. *Narodnye traditsii i fol'klor* [Folk traditions and folklore]. Leningrad, Nauka Publ., 1986. 119 p.
29. Shmidt S.O. *Put' istorika : Izbrannye trudy po istochnikovedeniiu i istoriografii* [Way of the historian. The selected works on a source study and a historiography]. Moscow, RGGU Publ., 1997. 612 p.
30. *Fond Pomoshchnika nachal'nika Saratovskogo gubernskogo zhandarmskogo upravleniia po Tsaritsynskomu uezdu*. (sm.: GAVO. F. I-6, op.1); *Fond Gubernskogo otdela narodnogo obrazovaniia* (F. 82. Op. 1).
31. *Fond Saratovskoi gubernskoi uchenoj arkhivnoi komissii*. F. 407, op. 1, 2.

**FOLKLORE AS HISTORICAL AND CULTURAL LEGACY
OF THE LOWER VOLGA REGION IN THE FIRST THIRD OF THE
XXTH CENTURY: B.S. LASCHILIN, A.M. LISTOPADOV**

Rodionova Olga Igorevna

Candidate of Philosophical Sciences, Manager of the Folklore Department,
Municipal Educational Institution of Additional Education of Children
“Children’s School of Arts “Revival”
glc@yandex.ru
ul. Kirova, 118 a, 400079 r. Volgograd, Russian Federation

Abstract. In the present article the question of the folklore phenomenon in the folk art of the Lower Volga Region in the first third of the 20th century is considered. In the course of research high emphasis was placed on the Cossack subject matter. The role of B.S. Laschilin and A.M. Listopadov in collecting and publishing folk art, the folklore of the Don Cossacks, is revealed. Boris Stepanovitch Laschilin’s work left a great impact in the artistic life of our region. In B.S. Laschilin’s books, that were published in Rostov-on-Don, Saratov, Stalingrad-Volgograd, contained tales, fairy tales, bylinas, legends, songs, ditties, proverbs, sayings, ancient dramas of the first Russian folk theatres, exorcisms. Boris Stepanovitch kept selecting songs and ditties, chastooshkas for Voronezh Folk Choir “Voronezh girls”, which are still in the repertoire of the Pyatnitsky Russian Folk Chorus. Folklorist and musician Alexander Mikhailovich Listopadov, who collected and studied folk songs from his youth up, and recorded them in the Don Region hamlets and Cossack villages, spent more than 50 years of his life on the research of the Don Cossack’s musical culture. Alexander Mikhailovich Listopadov’s heritage made an important contribution to the native musical folklore study. Folklore compositions is a unique source of knowledge of history, way of life, moral and other national concepts, which allows us to reconstitute a linguistic personality of a definite historical epoch.

Key words: national creativity, folklore, folklore texts, spirituality, traditions, national spiritual culture, musical culture.